

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:323(594)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-105-118

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА В ИНДОНЕЗИИ

Иван Александрович БЕЛИКОВ¹

¹ ИСАА МГУ, Москва, Россия,

nfsbelka@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8991-1424>

Аннотация: В данной статье автором была предпринята попытка собственного ответа на вопрос, почему в стране с относительно хорошими экономическими показателями и легитимной государственной системой в последние годы все более влиятельным в политике становится популизм. Приводится классификация нынешних течений популизма в Индонезии и анализируется динамика их развития с течением времени. Отдельное внимание было уделено внутриэлитному взаимодействию политиков-«популистов» и политиков истеблишмента.

Ключевые слова: *Индонезия, политический популизм, Прабово Субианто, Ризик Шихаб, Джоко Видодо*

Для цитирования: *Беликов И.А. Феномен политического популизма в Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 2, №2 (59). С. 105–118. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-105-118*

Original article. Historical science

THE PHENOMENON OF POLITICAL POPULISM IN INDONESIA

Ivan A. BELIKOV¹

¹ IAAS MSU, Russia, Moscow,

nfsbelka@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8991-1424>

Abstract: The author made an attempt to answer the question of why in a country with relatively good economic indicators and a legitimate state system, populism has become increasingly influential in politics in recent years. A classification of the current trends of populism in Indonesia is given and the dynamics of their development over time is analyzed. Special attention was paid to the intra-elite interaction between “populist” politicians and establishment politicians.

Keywords: *Indonesia, political populism, Prabowo Subianto, Rizik Shihab, Joko Widodo*

For citation: *Belikov I.A. The Phenomenon of Political Populism in Indonesia. Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya, 2023, T. 2, № 2 (59). Pp. 105–118. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-105-118*

В последние годы в мире наблюдается всплеск политического популизма. Доверие масс к традиционным представительным институтам все больше подрывается на фоне усиливающегося кризиса мировой экономики и растущей социальной поляризации. Люди во многих странах Азии все больше хотят видеть в элите людей, которые разделяют их чаяния и готовы бороться за их интересы. Безусловно, устоявшиеся элиты видят в этих настроениях угрозу, поэтому ищут пути решения данной проблемы. Причем во многих случаях элиты начинают использовать популизм в качестве инструмента политической борьбы.

Видимо, по этой причине в настоящее время возрастает спрос на научную литературу по данной тематике¹. Однако, несмотря на возрастающий объем исследований, в них так и не дан окончательный ответ на вопрос: почему в одних государствах популизм одерживает оглушительные победы, а в других порой вовсе нет сколько-нибудь примечательных популистских лидеров. Возможно, частичный ответ заключается в том, что одни государства стараются купировать угрозу популизма, открыто выступая против него, в то время как другие идут по пути «не можешь сопротивляться – возглавь». По большей части, многие государства пытаются сочетать одно с другим. Как бы то ни было, все эти пути вовсе не отменяют те причины, которые изначально вызывают популизм к жизни.

Индонезия является интересным примером того, каким образом популизм постепенно «пропитывает» политическую систему страны, в то время как в рамках традиционных воззрений на данный феномен, идеальные условия для его развития отсутствуют. В Индонезии на протяжении 20 лет уровень поддержки государства остается относительно устойчивым². До пандемии Индонезии показывала неплохие показатели экономического роста – около 5% в год, а после 1998 г. в стране больше не наблюдалось подобных политических потрясений. И все же с течением времени популистская компонента в политике возрастает, причем эта тенденция возникла задолго до пандемии.

Однако данное противоречие, по мнению автора, является только кажущимся. Существует несколько факторов, способствующих подъему популизма в Индонезии:

- 1) усиливающиеся социально-экономические, этнические, религиозные и расовые противоречия в обществе:
 - а. усиление социально-экономического неравенства, сокращение трудовых прав (Закон о создании рабочей силы 2020 г.);

- b. политизирующийся раскол между сторонниками интеграции ислама в институциональные нормы государства и сторонниками религиозного плюрализма;
 - c. исламизация общества и усиливающееся противостояние между радикально настроенными мусульманами и представителями других религий;
 - d. в некоторых регионах, например на Бали, существуют формы локального этнокультурного популизма, развивающегося на фоне растущего пришлого яванского населения;
 - e. популизм может подогреваться в контексте традиционного для индонезийцев болезненного отношения к проблемам сепаратизма (лозунг “*NKRI Harga Mati*”^a).
- 2) Соблазн некоторой части элит использовать противоречия как «громоотвод» недовольства населения. Пример: актуализация болезненной для индонезийцев проблемы китайского сверхбогатого меньшинства (соединение экономического и этноконфессионального аспекта), а также таких меньшинств, как шииты, ахмадиты, «коммунисты»^b;
 - 3) стремление устоявшихся партий использовать популистские методы с целью сохранить и увеличить свою популярность;
 - 4) низкий уровень образованности населения, что вызывает необходимость обращаться к массам на языке эмоций, а опора на эмоции – неотъемлемая составляющая популизма.

Хотя данная статья не претендует на универсальность подхода, многое из вышеперечисленного можно отнести не только к Индонезии, но и к любой стране со схожими параметрами. Вопреки положениям традиционных теорий популизма³, данный феномен не обязательно развивается на фоне сильных кризисов и не обязательно апеллирует лишь к маргинальным слоям общества. Как видно на примере Индонезии, он вполне может завоевывать сторонников среди обычных граждан относительно среднего достатка.

В формулировке датского политолога Каса Мудде⁴ популизм определяется как «тонкая идеология», которая предполагает, что общество разделено на два антагонистических лагеря: на «честных людей» и «коррупцированную элиту», и что политический лидер должен

^a Лозунг переводится как «Единая и неделимая республика Индонезия любой ценой» и используется в контексте борьбы с папуасским сепаратизмом.

^b Имеется в виду политический миф о «перманентной угрозе коммунизма», рожденный еще в 1965 г. в связи с обстоятельствами прихода к власти режима Сухарто.

выражать общую волю народа (*volonté générale*). Такая формулировка предполагает, что популизм может служить эффективным практическим подспорьем в борьбе различных идеологий за умы масс. При этом он может быть использован как в правой, так и в левой риторике; как в риторике религиозной, так и секулярной. Определение Мудде хорошо иллюстрирует суть популизма на примере тех стран, где наблюдается высокий уровень конфликтного потенциала между различными идеологиями. Индонезия, безусловно, относится именно к таким странам.

Популист также преподносит себя как общественного деятеля, который сложился как политик за пределами устоявшейся политической системы и бросает ей вызов. О важности подобной самопрезентации писали американские исследователи Левицкий и Локстон⁵. Индонезийские популистские политики также апеллируют к «народному» происхождению по Локстону и Левицкому и противопоставляют себя сложившейся элите в соответствии с концепцией К. Мудде. Также часто подчеркивается политическое «взращение» деятеля вне устоявшихся партийных каналов.

Три популистских течения: что между ними общего

В настоящее время в Индонезии развиваются три основных популистских течения, которые можно условно обозначить как националистическое^c направление, исламистское и, наконец, технократическое. Первому направлению свойственна яркая национально-патриотическая риторика с некоторыми вкраплениями шовинизма; второму – религиозно-исламистская риторика; третье же опирается на идеологию технократического развития. Заметим, что если националистические и исламистские популисты более радикальны в своей риторике⁶, то технократы позиционируют себя как сторонников «среднего пути»⁷. Возможно, отчасти их умеренность объясняется тем, что они в данный момент находятся у власти, а значит, с их стороны было бы нелогично выступать против статус-кво.

Три «ветви» индонезийского популизма довольно похожи в определенных аспектах. Во-первых, ключевые лица этих течений изначально «появились» вне устоявшейся **партийной**^d системы. Те из них, кто впоследствии влились в партии (или создали собственные) –

^c Здесь и далее данный термин использован автором этой статьи без негативной коннотации, и обозначает лишь идеологический вектор, направленный против определенных политических сил в рамках идеологической концепции данного вида популизма.

^d Но необязательно вне политической системы в целом – см. след. параграф.

то скорее потому, что, согласно индонезийскому законодательству, выдвинуть кандидата в президенты может лишь партия. Во-вторых, им свойственен нарратив от лица «честных граждан», с противопоставлением себя статус-кво^е и «пораженной коррупцией элите». В-третьих, все они подчеркивают свое понимание глубинных чаяний простых людей.

Выделение общих моментов необходимо для понимания успеха оседлания популистскими деятелями мощной антиэлитной волны, поднимающейся в Индонезии на протяжении последних 10-12 лет. Начиная с 2004 г. ни один политик «из истеблишмента» не мог похвастаться большой популярностью у народа и успехами на публичной арене. Это подтверждается тем, что на президентских выборах ни один человек истеблишмента не мог добиться радикального отрыва по голосам на выборах. Единственный кандидат, которая имела такой шанс – Мегавати Сукарнопутри (дочь Сукарно) – провалила его в 2004 г. Кстати, стоит заметить, что в свое время Мегавати также пришла к власти на фоне противопоставления себя системе и элите Нового порядка Сухарто.

По-видимому, неспособность устоявшихся партий выдвинуть привлекательных с электоральной точки зрения лидеров стало наталкивать представителей истеблишмента на мысль о возросшей привлекательности использования популизма в своих целях. Теперь обратимся к анализу отличий трех направлений популизма в Индонезии.

«Национально-великодержавный» популизм

Данный вид наиболее ярко воплощен в политической фигуре Прабово Субианто, зятя бывшего президента Сухарто. Будучи высокопоставленным генералом и членом семьи Сухарто, до 1998 г. Прабово, безусловно, являлся частью высшей прослойки индонезийской политической элиты⁸. После падения режима Прабово был обвинен в ряде преступлений и уехал из страны⁹. Тем не менее, через несколько лет он вернулся в Индонезию и начал формировать свою собственную политическую платформу. Уже тогда Прабово начал стремиться к президентскому посту.

Основным лейтмотивом его политической риторики стала тема эксплуатации Индонезии, ее богатых природных ресурсов внешними силами, у которых внутри страны имеются свои проводники (*antek*) –

⁸ Применительно к Джокови, он противопоставлял себя статус-кво до прихода к власти.

⁹ Таких как применение пыток к захваченным участникам антисухартовских протестов или даже похищение и последующее исчезновение некоторых протестующих.

выполняющие ту же функциональную роль, что и чиновники колониальной администрации в эпоху голландского владычества. В целом данная картина, на взгляд автора, неплохо отражает действительность, особенно в контексте западных держав, однако интересно то, как данное обстоятельство обыгрывается Прабово в публичной риторике.

П. Субианто не называл конкретные страны или имена их агентов влияния, однако стремительный подъем Китая, экономическое влияние которого на Индонезию огромно, дает повод думать, что «идеологической мишенью» Прабово является КНР и индонезийские китайцы. В ходе протестов 1998 г. Прабово уже пытался перенаправить недовольство общественности⁹, обвинив индонезийских китайцев в обрушении рупии. Впоследствии он не пытался развеять впечатление, что сознательно хотел использовать китайское меньшинство как «громоотвод».

В своей риторике Прабово подчеркивает, что именно он является единственным потенциальным лидером Индонезии, который в состоянии остановить грабеж ресурсов страны иностранными силами. В ходе президентской кампании 2018 г. он даже предрекал Индонезии риск ее полного исчезновения как субъекта мировой политики¹⁰ и окончательного ее превращения в марионетку в случае его поражения на выборах.

Для создания и поддержания подобного образа Прабово во многом копирует черты и антураж эпохи Сукарно. Он использует схожие речевые обороты, стремится передать голосом харизму, свойственную первому президенту Индонезии, даже использует микрофон, стилизованный под модели 40-х гг. Этим самым он стремится взять на себя ту же роль «уст народа», какой наделял себя сам Сукарно. В представлениях индонезийцев, только харизматичный носитель такой роли может трансформировать волю народа в реальное политическое действие.

Учитывая существующий идеологический разрыв между исламистами и плюралистами, Прабово пытается «лавировать меж двух коралловых рифов» – однако все же бóльшую симпатию выказывает первым. Это обусловлено тем, что само общество постепенно исламизируется, а набирающие влияние мусульманские силы сами подталкивают П. Субианто к взаимодействию с ними. В свою очередь, мусульманские группы сотрудничают с генералом, потому что понимают, что за счет лишь исламской риторики их победа на выборах пока маловероятна. Шансы Прабово выше, поскольку, помимо «комплемен-

тарности» мусульманским силам, он охватывает более широкий идеологический диапазон.

Прабово также не забывает о плюралистах, хотя речь идет, прежде всего, о тех из них, кто откликается на его националистическую риторику. В опоре на плюралистов Прабово Субианто пользуется помощью своего младшего брата Хашима Джойохадикусумо, христианина и одного из главных финансовых спонсоров его политических кампаний¹¹, который поддерживает контакты с немусульманскими избирателями. Тот факт, что семья Прабово состоит и из мусульман, и из христиан, часто используется генералом для парирования обвинений в поддержке исламского фундаментализма. Иногда в стремлении угодить плюралистам он даже демонстративно подчеркивает свое незнание религиозных ритуалов и свое желание «оставить религиозные вопросы экспертам».

Стоит отметить, что, основав в 2008 г. свою политическую платформу, Прабово отказался называть ее партией, по всей видимости, следуя своей «антиэлитной» повестке. Он назвал ее движением «Гериндра» (Движение Великая Индонезия), которое также апеллирует к духу национальной борьбы. Финансирует ее в основном сам Прабово и его брат Хашим. Генерал объясняет, что это обеспечивает его финансовую независимость от «коррупцированной элиты». Однако в ходе последней избирательной кампании 2019 г. Прабово, наоборот, часто подчеркивал роль народных пожертвований в финансировании Гериндры (в действительности это было не так) с целью избавиться от образа неподконтрольного никому магната.

Следует отметить, что риторика Прабово смягчается, когда он входит во взаимовыгодное сотрудничество с технократами, или когда ищет компромисса. Однако вряд ли с занятием им должности министра обороны в кабинете Джокови в октябре 2019 г. «националистическое» течение популизма подошло к концу. Хотя на некоторое время генерал пока снизил накал своей риторики, однако данная популистская модель, вероятно, еще обретет второе дыхание в избирательной кампании 2024 г., причем необязательно ее носителем должен быть сам генерал. Например, нынешний губернатор Джакарты Анис Басведан, который скорее всего будет баллотироваться в президенты, также часто апеллирует к коренному населению, *прибуми*, в противовес китайскому меньшинству.

Стоит отметить, что риторика Прабово повлияла на индонезийский политический ландшафт за счет дополнительного «раскручивания» исламского популизма и даже навязывания происламских идей

гораздо более умеренному течению технократов (в лице Джоко Видодо). Последние уже не могут игнорировать обострившуюся мусульманскую повестку и вынуждены включать элементы исламской риторики в свою идеологию.

Исламское течение в индонезийском популизме

Ключевой нарратив исламского популизма в некоторых аспектах перекликается с нарративом Прабово, однако по существу имеет принципиально иную основу. Если для П. Субианто «честные люди» – это рядовые индонезийцы, обманутые «коррупцированной элитой», то для исламистов «обманутые» – это мусульмане. Риторика исламистов сводится к тому, что набожных мусульман намеренно не пускают во власть благодаря наличию тайного заговора антиисламских сил, в который включена и сама индонезийская элита. В этой «антимусульманской элите» значительную роль играют этнические китайцы (что роднит исламистский дискурс с националистическим), экономическое господство которых не позволяет обычным индонезийским мусульманам продвигаться вперед¹².

Таким образом, конечная заявленная цель борьбы исламских лидеров состоит в исламизации государства, общества и экономики Индонезии, введении шариата и закреплении подавляющего большинства политических позиций за мусульманами. Это коренным образом отличает исламистский дискурс от риторики Прабово, который видит идеологическую основу своей концепции в многоконфессиональной индонезийской нации, а не в одной лишь мусульманской умме.

Исламский популизм долгое время находился в тени внимания специалистов в силу его внутренней неоднородности и долгого отсутствия явного лидера. Во времена Нового порядка исламистские деятели де-факто находились под жестким контролем, и свободно выйти на политическую арену они смогли только после начала демократизации на рубеже веков. Однако наступившая свобода идей привела к фрагментации политического ислама в Индонезии на соперничающие группы, такие как, например, ныне запрещенный Фронт защитников ислама (FPI), индонезийское отделение Хизбут Тахрир⁹ или поддерживаемые некоторыми ближневосточными монархиями группы салафитов. Изначально эти группы действовали вне устоявшейся партий-

⁹ Запрещенная в России организация, в настоящее время также запрещена в Индонезии.

ной системы, и на выборах присоединялись к тем партиям или фигурам, которые были наиболее приемлемы для них – как, например, С.Б. Юдойоно в 2004 и 2009, или П. Субианто в 2014 и 2019 гг.

Однако с течением времени влияние исламистов растет по мере того, как они становятся сплоченнее. Массовые протесты мусульман в 2016 г. против губернатора Джакарты Басуки «Ахока»^h Чахая Пурнамы, этнического китайца и христианина, обвиненного в оскорбленииⁱ Корана, консолидировали различные исламистские группы. И хотя объединение было относительно ситуативным, у них впервые на тот момент появился общепризнанный лидер – Ризик Шихаб. На выборах губернатора Джакарты Ахок находился под сильнейшим давлением демонстрантов, и проиграл Анису Басведану, которого поддержал Ризик¹³.

С этого момента стало ясно, что политический ислам превратился в крайне серьезную внепарламентскую силу в Индонезии, которая способна в одночасье мобилизовать сотни тысяч людей против тех, кто будет назначен врагом ислама. За счет своей сплоченности и оперативного распространения информации через мечети и социальные сети, исламисты де-факто создали силу даже непропорционально большую, чем демографическая доля мусульман в Индонезии.

Как отмечает М. Мицнер с соавторами, число индонезийских мусульман, поддерживающих исламистские идеи, значительно выросло после протестов 2016 г.¹⁴ Их растущее влияние выражается даже в том, что, в отличие от 2014 г., в кампании 2019 г. Прабово стремился получить неофициальную поддержку Ризика, даже несмотря на то что последний находился в изгнании в Саудовской Аравии. Ризик уехал из Индонезии после того, как Джоко Видодо инициировал расследование его деятельности.

Выезд Р. Шихаба не снизил поддержки исламского дискурса значительной долей общества, а многие и вовсе стали воспринимать салафитского проповедника как несправедливо гонимого, что еще больше убедило их в «антиисламском» характере индонезийской элиты. Их поддержка подтвердилась тем, что в 2018 г. исламистам снова удалось мобилизовать миллион человек в честь годовщины протестов 2016 г.

^h Прозвище Б. Ч. Пурнамы. В Индонезии практика использования «неофициальных» имен на де-факто официальном уровне очень распространена, и вовсе не подразумевает принижения достоинства, как это может показаться на первый взгляд.

ⁱ Следует отметить, что обвинение было весьма натянутым, и, по большей части, его смысл заключался в ударе по имиджу президента Джокови, так как Ахок считался «его» человеком.

Ризик, хотя и находился в изгнании и не мог сам претендовать на пост президента из-за отсутствия институционального механизма, прочно утвердился в качестве выразителя *volonté générale* индонезийской уммы. В разгар протестов против Ахока, Ризик был провозглашен имамом бесар, или великим лидером верующих мусульман Индонезии. В то время как традиционные мусульманские группы игнорировали или высмеивали это понятие, оно стало широко использоваться в консервативном¹⁵ сегменте мусульманского сообщества и в прессе.

После возвращения Ризика на родину поначалу полиция не трогала его. Однако рано или поздно его внесистемность, радикализм (например, де-факто поддержка ИГ¹⁶), непредсказуемость и огромный мобилизационный потенциал его сторонников не могли не озадачить индонезийское правительство. 30 декабря 2020 г. FPI был запрещен, а в июне 2021 г. проповедник был приговорен к 4-м годам тюрьмы по формальному поводу. Не исключено, что его арест также был согласован с представителями системных мусульманских кругов, поскольку Р. Шихаб оказался для них влиятельным конкурентом.

Впрочем, FPI довольно быстро «реинкарнировался» в организацию с практически идентичным названием и полностью идентичной аббревиатурой (теперь это «Фронт исламского братства» – Front Persaudaraan Islam)¹⁷. Возглавил ее не кто иной, как зять Р. Шихаба, Мухаммад бин Хусейн Алатас. Несмотря на то, что организация все так же опирается на салафитские *песантрены* (медресе), она стремится приобрести имидж более умеренной организации, дабы избежать участи своей предшественницы.

О сильном политическом влиянии мусульман в политике говорит тот факт, что с ним вынужден мириться и сам президент Джокови, о чем свидетельствует его решение баллотироваться на выборах 2019 г. в тандеме с богословом Ма'руфом Амином. В то же время Амин является представителем более умеренной массовой мусульманской организации Нахдлатул Улама (НУ), которая критически относится к радикальным организациям вроде запрещенного FPI. Это говорит о том, что нынешняя власть стремится найти опору в лице умеренных мусульманских организаций перед лицом радикальных сил. Кроме того, представители мусульманских кругов все чаще получают назначения на высокие должности, в том числе в ходе последних правительственных перестановок в июне 2022 г. В декабре этого года также был принят закон, запрещающий интимные связи вне брака и оскорбление президента. Конечно, основным содержанием закона яв-

ляется вторая его часть, однако первая, очевидно, представляет собой уступку исламским силам и иллюстрирует усиление исламской составляющей в политике.

В то же время сами исламские силы все больше осознают свое влияние и потенциальную ценность для властей. М. Амин в свое время поддержал протесты против Ахока. Конечно, можно предположить, что тогда он опасался непонимания уммы в случае, если бы он начал критиковать протесты. Однако вполне вероятно, что он тем самым «выторговывал» у технократов в лице Джокови будущую долю политической власти, показав светским элитам политическую силу мусульман.

Таким образом, даже учитывая недостаточный успех исламистов на выборах национального уровня, нельзя говорить, что они являются маргинальной силой. Исламский популизм крайне распространен в индонезийском обществе, и в будущем он будет возрастать. По этой причине Джокови обогатил свою риторику элементами исламского дискурса и популистской риторики Прабово.

Технократический популизм

Рассматривая феномен успеха Джокови как человека, который с низов сумел забраться на высшие политические позиции, нельзя игнорировать популизм как важнейшую составляющую взлета его карьеры. Феномен Джокови можно понять, только рассматривая его в контексте глобальной тенденции электората обращаться к фигурам, *видимо* не принадлежащим к истеблишменту и продвигающим альтернативу традиционной партийной политике. В вопросах развития страны Джокови придерживается технократического подхода, что позволяет дать соответствующее название связанному с ним течению популизма. Иными словами, основной акцент Джокови делает на том, что главной целью политического лидера является улучшение повседневной жизни людей.

Технократический дискурс менее «пламенен», нежели исламский и националистический, однако, как отмечалось выше, по ходу развития в Индонезии он претерпевал изменения, интегрируя в себя элементы других течений. Так, например, когда Джокови добился в 2018 г. возвращения главного золотого месторождения страны Фрипорт под индонезийский контроль, это сопровождалось соответствующей патриотической риторикой. Что касается появления исламских элементов в образе Джокови, то, к примеру, в медийном пространстве президент все чаще появляется в мечетях.

В своей публичной риторике Джоко Видодо также перенял дихотомию коррумпированной элиты и честного народа. При этом он подчеркивает особенности своей биографии, которая должна прочно роднить его с населением. Действительно, Джокови – первый президент, который не является выходцем из вооруженных сил или политической организации, возникшей после обретения страной независимости в 1945 г.

В предвыборных речах будущий президент часто повторял, что он не выступает против богатых, но они не понимают, как живут обычные люди. В частности, в ноябре 2018 г. Джокови упрекнул «сверхбогатых» (в лице Сандиаги Уно, кандидата в вице-президенты в паре с Прабово) за то, что они никогда не посещают рынки, в отличие от него самого¹⁸. Послание президента народу было вполне очевидным: он на их стороне в их тяготах повседневной жизни.

Джокови близок к заявлениям о том, что он выражает *volonté générale* простых граждан. Это воплощается им в практике *blusukan*, или «хождения в народ» – импровизированного посещения президентом рынков, деревень, ресторанов, торговых центров и т.д. В ходе общения с обывателями он отмечает их опасения, слушает предложения, которые в дальнейшем планирует воплощать в политические действия. Хотя этот подход вовсе не характеризуется новизной (подобный опыт в политике есть) или не всегда подлинностью (есть основания полагать, что некоторые посещения рынков президентом были частичной инсценировкой), *blusukan* был успешно интегрирован в политический образ Джокови.

Важно отметить, что сказанное выше вовсе не отменяет личных заслуг и чистоты намерений Джокови. Очевидно, что любой политик вынужден «работать» с массами на их языке, просто в случае Индонезии этим языком вольно или невольно постепенно становится популизм.

Джоко Видодо также отказывается выставлять себя в качестве фигуры, тесно связанной с политическими партиями. Являясь членом ДПП(б), возглавляемой Мегавати Сукарнопутри, он никогда не стремился брать на себя руководящую роль. Напротив, у избирателей сложилось впечатление, что партия нужна ему только формально, как инструмент для выдвижения на пост президента. Благодаря своему антипартийному имиджу Джокови не ассоциируется у населения с коррумпированными «партийными дельцами». Даже после победы на выборах 2014 г. он отказался от предложения создать собственную

платформу, что трактовалось его сторонниками как нежелание связываться с партийными делами.

Однако, по мнению автора, этот факт скорее лишний раз свидетельствует о силе традиционных для стран Востока патронажно-клиентных отношений, а именно о тесных политических связях Джокови с лидером ДПИ(б) Мегавати Сукарнопутри, которые не являются ни для кого секретом, в том числе в Индонезии. К таким выводам приходит, в частности, Б. Мухтади¹⁹. Таким образом, Джоко Видодо на своем посту приходится учитывать многочисленные партийные интересы.

Тем не менее, несмотря на то, что многие свои идеи Джокови не смог продвинуть из-за сопротивления партийных элит, в глазах своих сторонников он все равно во многом остается фигурой, относительно свободной от партийных обязательств – и отчасти именно это дважды обеспечивало ему победу на выборах.

Выводы

Таким образом, основным источником популизма в современной Индонезии является существующий разрыв между доверием масс к традиционной элите истеблишмента и запроса общества на людей, пришедших во власть извне. По всей видимости, индонезийская элита в начале 2010-х годов осознала данные процессы в обществе, и косвенно ответила на это «внезапным» появлением пробившихся с низов честных и некоррупцированных политиков. Параллельно, некоторыми политическими силами де-факто эксплуатируются существующие внутриобщественные противоречия, грамотное построение риторики вокруг которых может потенциально позволить извлечь из этого выгоду.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

БЕЛИКОВ Иван Александрович, аспирант
ИСАА МГУ, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 06.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.03.2023;
принята к публикации 31.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. BELIKOV, postgraduate student,
IAAS MSU, Moscow, Russia

The article was submitted 06.01.2023;
approved 06.03.2023;
accepted to publication 31.03.2023.

¹ См. напр.: Mueller, Jan-Werner. 2016. What is Populism? Philadelphia: University of Pennsylvania Press, или Moffit, Benjamin. 2016. The Global Rise of Populism: Performance, Political Style and Representation. Stanford: Stanford University Press.

- ² *Mujani, Saiful, R. William Liddle, and Kuskrido Ambardi*. 2018. *Voting Behaviour in Indonesia since Democratization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- ³ *Kitschelt, Herbert (in collaboration with A. J. McGann)*. 1995. *The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- ⁴ *Mudde, Cas*. 2004. "The Populist Zeitgeist." *Government and Opposition* 39 (4): 543.
- ⁵ *Levitsky, Steven, and James Loxton*. 2013. "Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes." *Democratization* 20 (1): 107–136.
- ⁶ *Hadiz, Vedi R., and Richard Robison*. 2017. "Competing Populisms in Post-Authoritarian Indonesia." *International Political Science Review* 38 (4): 488–502.
- ⁷ *Mietzner, Marcus*. 2015. *Reinventing Asian Populism: Jokowi's Rise, Democracy, and Political Contestation in Indonesia*. Policy Studies 72. Honolulu: East West Center Hawaii.
- ⁸ *Purdey, Jemma*. 2016. "Narratives to Power: The Case of the Djojohadikusumo Family Dynasty Over Four Generations." *South East Asia Research* 24 (3): 369–385.
- ⁹ Prabowo and his anti-Chinese past? // *New Mandala*. 2014. 27.06. URL: <https://www.newmandala.org/i-wanna-riot>
- ¹⁰ Pidato Lengkap Prabowo Soal Indonesia PunaH Jika Kalah Pilpres (Полный доклад Prabowo: Индонезия исчезнет, если он проиграет выборы) // 2018. 18.12. *Tempo*. URL: <https://nasional.tempo.co/read/1156386/pidato-lengkap-prabowo-soal-indonesia-punah-jika-kalah-pilpres>
- ¹¹ Adik Prabowo soal Dukungan FPI: Saya Mau Menang (Младший брат Prabowo по поводу поддержки Фронта защитников ислама: «Я хочу победить») // *CNN Indonesia* 2018. 05.10. URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20181004204022-32-335864/adik-prabowo-soal-dukungan-fpi-saya-mau-menang>
- ¹² *Cohen, Margot*. 1998. "'Us' vs 'Them.'" *Far Eastern Economic Review*, 12 February.
- ¹³ *Mietzner, Marcus*. 2018. "Fighting Illiberalism with Illiberalism: Islamist Populism and Democratic Deconsolidation in Indonesia." *Pacific Affairs* 91 (2): 261–282.
- ¹⁴ *Mietzner, Marcus, Burhanuddin Muhtadi, and Rizka Halida*. 2018. "Entrepreneurs of Grievance: Drivers and Effects of Indonesia's Islamist Mobilization." *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* 174 (2–3): 159–187.
- ¹⁵ В контексте данной статьи под традиционным исламом подразумевается сугубо индонезийский ислам довольно умеренного толка. Под консерваторами автор подразумевает ислам «ближневосточного толка», который стал распространяться в Индонезии особенно активно в эпоху глобализации.
- ¹⁶ Sikap FPI Soal Issue ISIS; FPI Dukung Pendirian Khilafah & Harapkan Persatuan Mujahidin (Взгляд FPI по поводу ИГИЛ: FPI поддерживает формирование халифата и надеется на единство борцов джихада) // *Panjimas*. 2014. 10.08. URL: <https://www.panjimas.com/news/2014/08/10/sikap-fpi-soal-issue-isis-fpi-dukung-pendirian-khilafah-harapkan-persatuan-mujahidin>
- ¹⁷ *Ahalla Tsauro, Firmanda Taufiq*. The New FPI: Don't Buy the Same Horse Twice // *Fulcrum*. 2022. 04.05. URL: <https://fulcrum.sg/the-new-fpi-dont-buy-the-same-horse-twice/>
- ¹⁸ Siapa Orang Super Kaya yang Disindir Jokowi? (Кто те «сверхбогатые», на которых намекал Джокови?) // *Merdeka*. 2018. 27.11. URL: <https://www.merdeka.com/politik/siapa-orang-super-kaya-yang-disindir-jokowi.html>
- ¹⁹ *Muhtadi, Burhanuddin*. 2015. "Indonesian Politics in 2015 - Jokowi's First Year: A Weak President Caught between Reform and Oligarchic Politics." *Bulletin of Indonesian Economic Studies* 51 (3): 349–368.